



ВИНОГРАДОВ Валентин Валентинович

**СЕВЕРОРУССКИЕ ПОЧИТАЕМЫЕ МЕСТА
В СЛОВЕ И ИЗОБРАЖЕНИИ
(к проблеме взаимодействия фольклора
и художественного творчества)**

Специальность 17.00.09 — теория и история искусства
(искусствоведение)

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата искусствоведения

26 ЯНВ 2012

Санкт-Петербург – 2012

Работа выполнена на секторе фольклора в Федеральном государственном бюджетном научно-исследовательском учреждении «Российский институт истории искусств»

Научный руководитель:

кандидат искусствоведения
Некрылова Анна Федоровна

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук
Фишман Ольга Михайловна
кандидат искусствоведения
Лурье Михаил Лазаревич

Ведущая организация:

Санкт-Петербургский государственный
университет технологии и дизайна

Защита состоится «15» февраля 2012 г. в 16 часов на заседании диссертационного совета Д 210.014.01 при Российском институте истории искусств по адресу: 190000, Санкт-Петербург, Исаакиевская пл., 5.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Российского института истории искусств.

Автореферат разослан « 13 » января 2012 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор искусствоведения



Лапин В.А.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Религиозное сознание предполагает существование и связь двух миров — сакрального и профанного. Граница между ними должна не только отделять один от другого, но и быть проницаема (П. А. Флоренский). В культуре народа вырабатываются способы маркирования таких границ и формы контактов человеческого мира с божественным, «горним». Это находит воплощение как в искусстве (сфера сакрального), так и в устной традиции.

Одно из проявлений таких границ — феномен *почитаемых мест*¹. Это развитое многоаспектное явление, известное практически любому народу мира, но каждый раз оно приобретает свою специфическую этнолокальную форму воплощения.

В широком смысле к почитаемому можно отнести любое место, где постоянно отправляется тот или иной культ: святые источники, озера, камни, камни-следовики, памятные/обетные кресты, кладбища, часовни и т. п. Важным представляется уточнение соотношения почитаемого места и православного храма. Церковь — центр постоянной совместной молитвы и общения верующих. На почитаемом месте службы происходят в определенные праздничные дни, сюда могут приходиться одиночные богомольцы. Многие века русской истории эти два явления находятся в постоянном динамическом взаимодействии. Соотношение почитаемого места и православных приходов в те или иные исторические периоды было разным, но связь прослеживается практически постоянно. С принятием христианства храмы нередко ставились на святых местах язычников. Исчезновение церкви как сооружения не отменяло почтительного отношения людей к месту, где она стояла. Почитание локуса нередко приводило к возрождению на этом месте храма.

Актуальность настоящего исследования в значительной мере определяется тем, что во времена агрессивно-атеистических

¹ В этой работе мы рассматриваем словосочетания «почитаемое место», «святое место», «святыня» как синонимичные. Разница между ними заключается в нюансах оценки особого локуса. «Святое место», «святыня» выражают сущностное значение феномена (и более характерны для народной традиции). «Почитаемое место» в первую очередь отражает его акциональную сторону — ритуальное поведение богомольцев и преимущественно применяется в исследовательской практике.

гонений, запретов и массового разрушения храмов, часовен и монастырей почитаемые места зачастую оказывались единственно возможными, но потайными местами религиозных праздников и отправления соответствующих обрядов. Естественно, жесткие запреты распространялись и на всю гуманитарную сферу знания, касающуюся народно-духовной жизни. Во всяком случае, до недавнего времени мы практически не имели ни публикаций материалов, ни тем более исследований, касающихся почитаемых мест и всего того, что с ними связано: фольклорных нарративов (преданий, легенд, быличек, примет), регулярных, календарно организованных паломнических посещений святых мест и выполнения там традиционных ритуальных действий и т. д.

В постсоветское время православная церковь получила наконец возможность вновь легально выполнять свою духовную миссию, и это не только вызвало активное восстановление церквей, часовен и монастырей, но и парадоксальным образом реанимировало сеть почитаемых мест и их параллельное функционирование, которое далеко не всегда принимается официальными служителями церкви².

Дело в том, что почитаемые (святые) места материализуют систему воззрений так называемой *бытовой религиозности*, восходящей к общим представлениям об устройстве мира. В них христианство адаптировалось к специфике дохристианского мировоззрения местного населения, условиям его хозяйства и быта.

Вербализация такого сакрального знания соединяется с его внешним видом, вписанностью в ландшафт. Образуется единство словесного и визуального образа. Святые места подробно описываются русским народным религиозным нарративом; вместе с тем с XVIII в. они предстают в различных изображениях — от паломнической картинки для народа до профессиональной живописи и художественной фотографии. Эта область находится на стыке традиционного художественного творчества («фольклорного»/ безавторского) и профессионального (авторского) искусства, и, следовательно, требует комплексного изучения со стороны фольклористики и искусствоведения. Этот феномен предполагает, кроме того, анализ как коллективного, так и индивидуального творчества. На этом основано одно из направлений современного искусствоведения — исследование так называемых простран-

² См. первые научные работы по этой теме (Т. А. Бернштам, А. А. Панченко, Т. Б. Щепанская, А. Н. Розов и др.).

ственных икон (А. М. Лидов). Представления о почитаемом месте находятся на пересечении двух мыслительных процессов: *иерофании* как обнаружения священного в профанной, мирской сфере (М. Элиаде) и *иеротопии* как конструирования сакрального пространства (А. М. Лидов). Сакральное пространство по Лидову организуется не спонтанно, а согласно определенной программе, воплощает некую идеальную схему, теологическую программу.

Актуальность исследования определяется также тем, что в нем впервые предпринята попытка сопоставить два плана (слово и изображение) на примере народного религиозного нарратива о почитаемых местах, с одной стороны, и изображений святыни в паломнической картинке и русской живописи конца XIX—XX в. — с другой. Иначе говоря, *как и каким способом* воплощается почитаемое место в слове и его изображении.

Объект диссертационного исследования — феномен святынь/ почитаемых мест как пограничья между сакральным и профанным мирами в русской культуре Северо-Запада России. **Предмет** исследования — механизмы воспроизводства текстов традиционной культуры, описывающих рассматриваемое явление, а также специфика отражения образа святыни в фольклоре (вербальный нарратив) и художественно-изобразительном искусстве конца XIX—XX в.

Цель настоящего исследования — опираясь на комплексный междисциплинарный подход, раскрыть феномен образа святыни в русской традиционной культуре, его воздействие на профессиональное искусство, а также актуализацию глубинных мифологических смыслов при создании авторского произведения.

Задачи или основные аспекты исследования представляются следующими:

- специфика феномена святого места в русской традиционной культуре;
- функции святыни в системе народного православия;
- народный нарратив о почитаемом месте и его структура;
- специфические мотивы и образы, используемые для описания святыни;
- изображение почитаемого места как устойчивая система образов.

Специфика использованных и представленных в работе материалов (русский народный религиозный нарратив) потребова-

ла выстроить модель описания святыни и знаний о ней, отражающей именно те признаки, на которых акцентировалось внимание людей. При выполнении этой задачи автор использовал главным образом собственные материалы, собранные в процессе многолетних экспедиций по Северо-Западу России и на Русский Север. В приложении к диссертации представлен значительный комплекс народных повествований о почитаемых местах, которые таким образом вводятся в научный оборот.

При анализе способов сопоставления нарративов с произведениями изобразительного искусства, а также для выявления скрытой «программы» этих произведений использованы методы фольклористики. Это дало автору возможность при искусствоведческом анализе не ограничиваться единичными фактами, но учитывать комплекс представлений, восходящих к традиционной картине мира. Такой подход позволяет исследовать глубинные процессы индивидуального художественного творчества, в частности, отражение во внутреннем мире мастера общих традиционных знаний.

Степень изученности и научной разработанности темы. Проблема соотношения фольклора и художественного творчества неизменно затрагивается во многих исследованиях, посвященных изучению отечественной культуры. С конца XVIII в. усиливается внимание к своим древностям, своей «античности». Эти «древности» по тогдашним представлениям сводились к комплексу явлений, относящихся к «старой» России. Постепенно происходила дифференциация исследовательских интересов. Носителем сведений о прошлом в равной степени оказывался памятник (материальный объект) или живое слово. В таких поисках визуальный образ и слово оказываются равноправными источниками познания, «прочувствования старины». На протяжении XIX в. появляются знаковые для русской фольклористики собрания — И. П. Сахарова, А. В. Терещенко, П. В. Киреевского, В. И. Даля, А. Н. Афанасьева и др. Вместе с интересом к фольклору и этнографии, внимание привлекают и материальные памятники — «свидетели прошлого». Достаточно вспомнить копирование отечественных памятников русскими живописцами и архитекторами (Ф. Г. Солнцев, Н. В. Салтанов, А. Н. Стасов), романтический интерес художников XIX в. к «своим» корням, истокам, старине. Постепенно осознается разрыв между культурой высших слоев общества с их ориентацией на общеевропейские ценности и куль-

турой низовой. Это дает возможность увидеть «другого», способствует развитию отечественной фольклористики и этнографии.

Религиозный аспект таких поисков сводился не только к «воссозданию» картин языческого прошлого, но и к вдумчивому изучению памятников христианского искусства (Н. В. Покровский), особенно в создании так называемого национального стиля русского искусства (архитектура, живопись, музыка).

С самых первых шагов отечественной науки слово как свидетельство прошлого соотносилось с образом этого прошлого, запечатленным в сохранившихся памятниках. Религиозная составляющая органично вплеталась в виде христианских или более отдаленных — языческих древностей. Позже, в течение XIX—XX вв., интересы фольклористики то расширялись, то сужались, но внимание к взаимодействию вербального, акционального и визуального планов сохранялось.

К концу XX — началу XXI в. в силу как внутренних закономерностей развития науки, так и благодаря снятию идеологических регламентаций происходит значительное расширение предметного поля традиционной культуры, привлекающее внимание исследователей (Е. В. Гусев, К. В. Чистов, Б. Н. Путилов, С. Ю. Неклюдов). Искусствоведческому анализу подвергаются такие фольклорные, а также околофольклорные, постфольклорные, низовые, массовые явления, как лубок, игрушка, декоративные изразцы, народный театр и др.

В современной науке исследование изображения (в первую очередь имеющего корни в фольклорном видении мира) в связи с его культурно-мифологической семантикой предполагает ряд подходов. В работах, посвященных традиционной культуре, как правило, текст и образ рассматриваются в определенной взаимосвязи. Например, при исследовании народного прикладного искусства чаще всего сопоставляются и соотносятся два плана: технология (материал и его выбор, производственные приемы, стиль отдельного мастера/промысла и т. д.) и реконструируемая в отдельных элементах архетипическая символика (работы Г. С. Масловой, Н. Н. Померанцева, И. Я. Богуславской и др.). «Технология» понимается не только как «способ физического создания предмета», но и его творение, согласно определенным мифологическим представлениям (М. Элиаде, Ш. Маламут).

Заметное место в искусствоведении XX в. заняли исследования «наивной» живописи. Такие произведения, созданные непо-

средственно носителями традиции, интересны как самим художественным образом, так и спецификой раскрытия в нем фольклорного сознания. «Самодеятельные живописцы» отражают свое видение мира через значимые события (визуальный ряд, глубинная сущность происходящего) жизни не только своей, но и социальной группы в целом. В искусствоведении XX в. проявился устойчивый интерес к наивному искусству (например, творчество Н. Пиросмани, Е. Честнякова).

Современные исследователи повседневных практик (прежде всего — советского времени) активно прибегают как к вербальным/печатным текстам эпохи, так и к визуализированным изображениям (открытки, плакаты, лозунги). Оказывается, что фольклорные элементы народного сознания проявляют себя в разных планах выражения — вербальном, письменном, при помощи языка плаката, кино или в музыке, созданной профессиональными композиторами.

Сближение восприятия слова и изображения как явлений изоморфных не раз возникает в отечественной фольклористике, этнографии и искусствоведении (В. Я. Пропп, Ю. М. Лотман, А. В. Чернецов, Е. Б. Артеменко, В. Н. Топоров). Теперь мы подходим к одной из интереснейших и неоднозначных проблем искусствоведения — как фольклорные образы реализуются в произведениях изобразительного искусства и насколько сильно здесь их влияние. При этом важна не только визуализация как таковая, но и ее пути и механизмы (В. Я. Пропп). Непрямолинейность и неоднозначность таких конверсий связана со спецификой переключения с одного выразительного языка (кода) на другой.

Слово и изображение соотносимы друг с другом. Это положение — не столько утверждение, сколько постановка вопроса: как и при помощи каких механизмов одна и та же информация воплощается в вербальном и изобразительном тексте? К его решению можно подойти лишь с позиции комплексного анализа источников, совмещающего методы разных научных дисциплин, при этом соотношение их должно быть равноправным. Требуется выбрать теоретическое поле, дающее возможность выполнить такое исследование и стать его фундаментом.

Основатель иконологического метода в современном искусствоведении Эрвин Панофский наметил такой выход от отдельной научной дисциплины к многоаспектному познанию художественного произведения и его смыслов. По его словам, «именно в по-

иске внутреннего значения, или содержания, различные гуманитарные дисциплины встречаются на равных, вместо того чтобы оставаться друг у друга на подхвате»³.

Методологические основания. Сложность предмета исследования заставляет обращаться к разным методам:

– *историко-этнографический* метод позволяет изучать феномен почитаемого места с учетом сложной этногенетической истории Северо-Запада России (А. С. Герд, Г. С. Лебедев);

– *синхронный метод* дает срез традиции в конкретном месте в конкретное время и с учетом позиции носителей культуры (П. Г. Богатырев);

– *функциональный* подход позволяет оценить почитаемое место как актуальный социальный институт (Б. Малиновский, Т. А. Бернштам);

– *структурно-типологический* метод дает возможность выявить типологический уровень вариантов в определенной локальной культуре (Б. Н. Путилов);

– *структурно-семиотический* подход позволяет сопоставить семантику словесного образа и изображение святыни (Ю. М. Лотман, В. Н. Топоров);

– *комплексный анализ* культурных фактов. Одним из первых применил комплексный подход в исследовании народной религиозности русский философ первой половины XX в. Г. П. Федотов. Во второй половине XX в. этот подход развили лидер московской этнолингвистической школы Н. И. Толстой и его ученики — Л. Н. Виноградова, С. М. Толстая, О. В. Белова, Е. Е. Левкиевская, А. А. Плотникова и другие, а также отечественные лингвофольклористы А. Т. Хроленко, Е. Б. Артеменко, З. К. Тарланов, С. Е. Никитина;

– работа опирается на концепцию *иеротопии* (создание сакрального пространства) как особого вида художественного творчества, предложенную А. М. Лидовым.

Использован ряд конкретных исследовательских методик:

– *наблюдение* (включенное и невключенное) при исследовании функционирования сети почитаемых мест Северо-Запада России. В 1994–2004 гг. были предприняты 20 полевых выездов для сбора материалов и корректировки полученных выводов;

³ Панофский Э. Этюды по иконологии. Гуманистические темы в искусстве Возрождения. СПб., 2009. С. 42.

— *интервьюирование* — в ходе полевых исследований были опрошены примерно сто человек из пятидесяти населенных пунктов. На основе этих записей строятся наши выводы о месте святости в жизни сельского населения в XX в.;

— метод *контент-анализа* полученных текстов. При его помощи выявлялись концепты, наиболее значимые для осмысления текстов о почитаемых местах;

— *иконографический* анализ и описание паломнического изображения и художественного произведения. Выделение устойчивых элементов, характерных для изображения святости;

— *иконологический* метод, при помощи которого стало возможно свести воедино результаты отдельных штудий.

В настоящей работе затрагивается ряд проблем, обусловленных вопросами изучения религиозности. В связи с этим мы ориентируемся на фундаментальные труды Л. П. Карсавина, О. А. Добиаш-Рождественской, П. А. Флоренского, Г. П. Федотова, А. Ф. Лосева, Э. Эванс-Притчарда и др. Важными оказываются работы последнего времени, посвященные исследованию народного православия (Т. Б. Бернштам, А. А. Панченко, А. Н. Розов, Т. Б. Щепанская).

Источниковедческая база и экспедиционно-полевые материалы. Ограничение исследования территорией Северо-Запада России, и конкретнее — севером Новгородской области и пограничных районов Ленинградской области, вызвано следующими причинами. Народная традиционная культура дана нам в многообразии локальных вариантов (Н. И. Толстой, В. А. Лапин). Следовательно, изучение взаимоотношения слова и образа корректно проводить с учетом определенной традиции, в нашем случае — северо-новгородской. Мы имеем возможность исследовать процесс воплощения важных концептов картины мира в определенных образах в пределах единой системы. Полученные результаты можно экстраполировать на другие территории с учетом их историко-культурной специфики. Север Новгородской земли предоставляется достаточно изученным в историческом, этнографическом, фольклористическом аспектах. Это дает возможность сопоставить народный нарратив и изображения одних и тех же объектов, что является важной методологической установкой и одновременно исследовательской базой.

Весь корпус материалов, содержащих интересующую нас информацию, можно разделить на следующие группы:

1) Народные нарративы о почитаемых местах в записях второй половины XIX — начала XXI в., в том числе полевые материалы автора (1994–2004 гг.). В них запечатлен образ почитаемого места

2) Русские народные религиозные картинки второй половины XIX — начала XX в., в первую очередь так называемые паломнические картинки — изображения святыни, выполненные профессиональными художниками и граверами

3) Изображения православных святынь в произведениях русской пейзажной и жанровой живописи (в наше время — и на художественной фотографии).

Научная новизна работы

1. Научная новизна работы прежде всего определяется комплексным искусствоведческим анализом, которому впервые в отечественной науке подвергнуты почитаемые/святые места Северо-Запада России. При этом учитывалась и анализировалась не только сама пространственно-территориальная сеть почитаемых мест и их типология, выявленная автором по материалам многочисленных экспедиционных поездок, но и широкий спектр религиозных нарративов, связанных с почитаемыми местами. Это так называемые малые жанры прозаического фольклора — предания, легенды, былички, приметы, «случаи» и т. п.

2. Понятие «картина мира» впервые используется для выяснения места традиционных представлений в системе художественного творчества, взаимовлияния народного и профессионального искусства. С этой целью всестороннему изучению подвергается сфера повседневных религиозных практик наших современников (на основе большого количества полевых интервью).

3. Методологически опираясь на немногие исследования, посвященные религиозному знанию простого человека («мирянина») и его месту в общей системе мировоззрения (Т. А. Бернштам, А. Н. Розов), автор настоящего исследования пытается выявить воздействие этой суммы знаний на глубинные процессы индивидуального художественного творчества.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Типология почитаемых мест Северо-Запада России, выполненная автором, показывает, что это реально функционирующая мировоззренческая система, занимающая важное место в жизни современного сельского населения.

2. Представления о том, как должно выглядеть почитаемое (святое) место, формируют картину мира носителей традиционной культуры. Эти представления составляют национальную специфику искусства.

3. Вербальное описание объекта почитания (нарратив) изоморфно его визуальному образу: они разными кодами несут исчерпывающую информацию о культурном феномене.

4. В творчестве значительной части художников существует образно-изобразительный пласт, восходящий к общему для национальной культуры представлению о мироздании (традиционной этнической картине мира).

Работа прошла всестороннюю **апробацию** на ряде конференций — конгрессах этнографов и антропологов России (2005, 2009), фольклористов России (2005), других международных конференциях («Рябининские чтения», «Полевая этнография», «Петербургские этнографические чтения» и др.). Отдельные положения исследования были обсуждены в рамках исследовательского семинара Российского института истории искусств «Среды в РИИИ». Опубликовано около трех десятков научных работ (опубликованных как в России, так и в странах СНГ), которые развивают основные направления диссертационного исследования.

Практическая значимость работы заключается в специфике предложенного подхода к анализу художественного произведения. Он позволяет выделить его фольклорно-этнографическую составляющую как целостную систему. В связи с этим положения настоящего диссертационного исследования могут быть применены как в научной работе, так и в педагогической практике. Собранные автором диссертационного исследования материалы служат сохранению и всесторонней популяризации духовных основ российского общества.

На основе работы был создан авторский курс «Этнография», прочитанный в рамках детской этнологической экспедиции «Родники» (2007–2009), проходившей под эгидой природного парка «Вепсский лес» (правительство Ленинградской области). Кроме того, был проведен целый ряд научно-практических семинаров, выступлений и консультаций для работников культуры Ленинградской области (2003–2010).

Структура диссертации. Работа состоит из введения, четырех глав, заключения, списка литературы (191 наименование) и приложения (иллюстрации и полевые материалы автора).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

В кратком **Введении** обосновывается актуальность темы, определяются цели и задачи исследования, даются характеристики используемых источников; подчеркивается специфика работы, заключающаяся в ее междисциплинарном характере. Для исследования механизма влияния фольклорной картины мира на произведения изобразительного искусства применен комплексный анализ материала — искусствоведческий, фольклористический, этнографический, религиоведческий.

Глава 1. «Почитаемые места: этнографические реалии и тексты» состоит из двух разделов. В *первом разделе* — «Система почитаемых мест: общие характеристики явления», дается представление о феномене почитаемого места и степени изученности проблемы (первый параграф). Во втором параграфе приводится описание (география, история, этнография) выбранного фрагмента сети почитаемых мест Северо-Запада России (среднее течение Мсты и верховья Сяси).

Второй раздел — «Специфика бытования нарративов о почитаемых местах», посвящен рассказам о деревенских святынях. В этой группе нарративов заключена культурная информация, которая влияет как на внешний вид объектов, так и на ритуальное поведение людей. Рассказы об этнографическом факте представляют собой самостоятельное явление, не всегда сводимое к ритуалу. Таким образом повествования о почитаемых местах — источник, требующий предварительного критического осмысления. Важнейшие вопросы, возникающие в этой связи — форма, которую принимает информация в момент вербализации, особенности передачи от человека к человеку. Общей специфике нарративов о почитаемых местах посвящен первый параграф.

Рассказ о почитаемом месте — текст, творимый собеседниками (сборителем и информантом). Характер того, *как и что* сказано, *форма* передачи информации зависят от всех участников беседы. В нашем случае невозможно вывести за скобки сборителя. Он является участником разговора, осознанно или неосознанно воздействует на его течение (второй параграф — «Две стороны беседы: рассказчик и сборитель»). Поэтому для корректной характеристики анализируемых текстов важно учитывать не только специфику их бытования, но и то, как и каким образом они были получены. Учитывать это обстоятельство особенно важно для

оценки «живого» явления современности (третий параграф — «Методика записи»).

Глава 2 — «Система повествования: объекты описания и действующие лица». Повествования о почитаемых местах образуют тематическую группу нарративов, отражающую общее знание о явлении. Такое знание имеет определенную структуру, фиксируемую целым набором ключевых слов, при помощи которых вербализируется информация о святыне. В главе анализируется структура описания народным религиозным нарративом почитаемого места — его объектного мира и персонажей, взаимодействующих со святыней. Каждому из аспектов посвящен специальный раздел.

Первый раздел — «Объекты описания. Видимое пространство почитаемого места». В первом параграфе описывается методика получения рабочего словаря понятий (объекты и действия), наиболее часто употребляемых нашими информантами для описания почитаемых мест. Дальнейшее изложение посвящено анализу отдельных концептов.

Феномен почитаемого места функционирует благодаря представлению о *завете* — особых отношениях человека (общины) и бога. Это комплекс ритуальных действий, направленных на решение разных жизненных ситуаций и поддержание устойчивости миропорядка в целом. Описание *завета* в народном нарративе может присутствовать в «узком» и «широком» смыслах. В первом случае — это личный завет и заветные действия человека (второй параграф). Во втором — структура заветных отношений, касающаяся всего комплекса поведения богомольцев по дороге к святыне и во время нахождения там. Поэтому понятие *завет* помогает нам проанализировать другие концепты, из которых выстраивается структура повествования о почитаемом месте.

Третий параграф посвящен пространственным и временным характеристикам почитаемого места. Первые описываются понятиями *дорога, далеко/близко, ходить/ехать*, а также характеристиками средств передвижения. Вторые — временные — относятся как к вечности (божественному времени), так и человеческому веку. Не менее значимы фундаментальные представления о празднике — особом времени проявления основных свойств святыни. Специфическую роль в мифологии времени приобретает слово *война*, которое обозначает важный рубеж отсчета времени и организует вокруг себя вехи истории почитаемого места.

В четвертом параграфе рассматриваются объекты (церковь, часовня, крест, икона, камень и др.) и ключевые ритуальные действия (молитва/служба, действия с водой, различные подношения) у почитаемого места. Отмечается, что описание объектов пространства в нарративе сугубо фактографично. Рассказ воспроизводит своеобразный «снимок памяти». В пятом параграфе анализируются ключевые понятия, связанные с исцелением болезни в результате взятого *завета* — *здоровье, болезнь, лечение*. Заключительный шестой параграф посвящен нескольким сторонам взаимоотношения человека и почитаемого места, что выражается глаголами *знать, помнить, видеть*, а также качественным характеристикам в описании сакрального локуса — *хороший, красивый, большой*.

Второй раздел — «Действующие лица: отношения и статусы», посвящен персонажам повествований о почитаемых местах. Рассматриваются позиции людей по отношению к «своей» святыне. Речь идет о нормах поведения разных половозрастных групп. Сложную систему взаимоотношения людского коллектива и почитаемого места можно представить в виде системы статусов, которые предстают совокупными образами-характеристиками отдельных слоев сельского сообщества. Первый параграф посвящен самым обобщенным группам — «мы» религиозного нарратива, «люди» и «народ». Второй и третий параграф анализируют поведение разных половозрастных групп (мужчин и женщин, стариков и молодых). В четвертом параграфе исследуется образ «чужих» — *властей, коммунистов, дачников* и др. Пятый параграф описывает образ священника.

Итоги подводятся в шестом параграфе второго раздела главы. Общие отношения крестьянского сообщества и святыни выражаются при помощи слов «люди»/«народ». Главное событие в году — праздник у святыни, на котором служит (молится) священник. Сложившийся миропорядок возможен при сохранении некоего *знания*, передаваемого от старших к младшим. Единый «народ» состоит из двух групп: «мужчин» и «женщин», каждой из которых присущи свои функциональные обязанности. «Дети» чаще всего занимают пассивное отношение к почитаемому месту, равно как и «молодежь». Они упоминаются в рассказах в качестве объекта *завета* (взятого родителями) или субъектов деструктивных действий в отношении святыни. Отчасти такие поступки являются следствием разрыва преемственности поколений из-за

того, что знание «стариков» не передалось дальше. Большой конфликт выражен в антиповедении «чужих».

Глава 3 — «Фольклорные повествования о почитаемых местах», состоит из двух разделов. В *первом разделе* — «Фольклорные мотивы в нарративах о почитаемых местах», анализируются специфические мотивы для этой группы повествований. Теоретические позиции излагаются в первом параграфе. Устный рассказ о святыне может включать в себя устойчивые фольклорные тексты, которые не редко бытуют в «свернутом» виде — как ключевое слово. Информация о почитаемом месте предполагает ситуативный выбор формы и средств вербализации знания в зависимости от конкретной коммуникативной ситуации.

Во втором параграфе рассматривается установка на чудо — специфическая характеристика исследуемого корпуса текстов. Она может проявляться в мотиве явления божественной силы, как правило, иконы. В повествованиях о «местных» святынях используют мотивы, характерные для других циклов несказочной прозы (мифологической, исторической). Они существуют в виде самостоятельных повествовательных единиц, описывающих специфику отдельных сакральных точек пространства. В третьем параграфе анализируется мотив чужеземного нашествия в случае его вовлечения в рассказы о почитаемых местах. Входя в систему народной религиозной прозы, мотив «войны» начинает использоваться не только для объяснения характера и причин появления объекта, но и выражает идею явления божественной силы и мотивации чудесного события. Таким образом мотив «войны» приобретает свойства универсального для выражения факта проявления чудесного на почитаемом месте (четвертый параграф). Пятый параграф посвящен функционированию других мотивов в повествовании о святых объектах.

В шестом параграфе рассматриваются тексты о происхождении святыни. Оказывается, что носителей традиции в меньшей степени интересует причина святости почитаемого объекта. В первую очередь им важна его функциональная сторона — способность лечить и помогать в тяжелых ситуациях. Сопоставление рассказов о мифологическом «начале» святыни, записанных в разное время, указывает на их большую вариативность и нестабильность во времени. В седьмом параграфе исследуется мотив «бытового» чуда — исцеление и помощь, которые у почитаемого места получил родственник/знакомый рассказчика. Именно

такие тексты значительно преобладают в современных записях. Их структура анализируется в восьмом параграфе. Фигуре праведника и циклу рассказов о нем посвящен девятый параграф. Десятый — мотиву наказания святотатцев. Особый случай — описания почитаемого места в меморатах. Это такие тексты, где никаких «особенных» событий не происходит; в них нет описания чудесных событий (одиннадцатый параграф).

В двенадцатом параграфе речь идет о том, что в основе фольклорных текстов о святыне лежит раскрытие чудесного как важнейшей характеристики почитаемого места. Это является тем объединяющим стержнем, вокруг которого организуются мотивы, характерные для повествований о почитаемых местах. По признаку времени действия повествования подразделяются на два цикла. События одного происходят в прошлом и относятся к неким мифическим «первособытиям». Суть другого цикла — частные следствия «главного» чуда у святыни. Действия подвижника благочестия представляют собой параллельный канал для контактов людей («простецов») с божественной силой.

Во *втором разделе* главы — «“Текст святыни” и система фольклорных жанров», вводится понятие «текст святыни». Под ним понимается система описания религиозного факта в культуре, который творится, существует и транслируется путем «наслаивания смысла на смысл, голоса на голос, усилением путем слияния (но не отождествления), сочетание многих голосов (коридор голосов)» (М. М. Бахтин). Информация о сакральном объекте может быть представлена и реализована в разных кодах. Она выявляет «векторы внимания» человека — то, что ему представляется наиболее существенным. Текст святыни проявляет свою специфику в разных жанрах фольклора, которые могут и не иметь прямого отношения к народной религиозности. Его признаки — использование ключевых слов и понятий, каковые порождают определенные смыслы и аллюзии при восприятии и интерпретации. В разных случаях, обусловленных контекстом, текст святыни ведет себя по-своему, органически вплетаясь в художественную структуру и не противореча ей. Тем не менее он сохраняет свои родовые признаки, остается узнаваемым. В качестве примеров рассматриваются случаи проявления текста святыни в балладе «Девушка спасается от татар», в народной драме «Царь Максимилиан» и сказке «Никола Дуплянский» (СУС-1380). Во всех случаях за повествованием угадывается визуальный образ (храм, мощи, икона).

В главе 4 — «Текст святыни как искусствоведческая проблема», демонстрируется возможность применения полученной схемы описания святого места для анализа произведений изобразительного искусства.

В *первом разделе* — «Почитаемое место и храм: диалектика соотношений», осмыслиется диалектическое единство храма и почитаемого места. В разные эпохи место нахождения святыни могло маркироваться разными объектами — монастырем, храмом, часовней, крестом. Для людей в то или иное время актуальными будут определенные пространственные символы почитаемых мест. Это особенно важно в связи с анализом изображений. В них внимание уделяется преимущественно внешнему образу, который подразумевает известное внутренне содержание. Следовательно, мы получаем возможность соотнести два кода описания святыни — вербальный и визуальный.

Второй раздел — «Слово и изображение», обосновывает корректность использования фольклорно-этнографических материалов для иконологического анализа (Э. Панофский, Э. Гомбрих) художественного произведения — раскрытия его «внутреннего значения». Вместе с тем сумма представлений о почитаемом месте формирует, так сказать, «народный иеротопический проект» (А. М. Лидов). Представляется возможным сопоставить значимые объекты и действия в двух планах выражения — как о них сказано и как они изображены. Текст святыни можно рассматривать в качестве «программы» (вернее — ее составной части) произведения изобразительного искусства.

В *третьем разделе* рассматриваются «паломнические» изображения святыни XIX — начала XX в. Анализу подверглась серия изображений Свято-Троицкой Реконской пустыни. Нарративы об этой обители использованы нами при анализе фольклорно-этнографического материала. В итоге стало возможно проследить общие черты, присутствующие в изображении почитаемых мест и рассказах о них. И то и другое акцентирует внимание на определенных реалиях, как правило, на объектах мира материального. Каждый из них по-своему раскрывает текст святыни. С одной стороны, это своего рода подготовительная информация, содержащая то особенное, чем примечательна, и, следовательно, славна святыня. С другой — такая «картинка» рассчитана на сохранение в памяти образа обители после совершенного богомолья.

Четвертый раздел — «Изображение святыни в живописи». Опираясь на анализ фольклорного нарратива, автор исследует произведения живописного искусства с целью поиска в них основных элементов текста святыни. Текст святыни мог и не входить в «основную программу» художественного произведения, но мы вправе искать представления о нем за отдельными образами. Само их появление могло быть связано с воззрениями на мир художника и зрителя — интерпретатора произведения. Мы исходим из того, что художник не отделен от общих стереотипов культуры своего времени, на него имеют воздействие установки этнической «картины мира». Рассматриваются две группы примеров. Первая — произведения русской пейзажной и жанровой живописи второй половины XIX — начала XX в. Изображения церкви на произведениях живописи соотносимы с религиозным нарративом в информационном плане. Соразмерно пространству храм предстает символом святости места. Связь «крестьянский мир — храм», где изображение церкви представляет собой символ народной религиозности, «простой русской веры», продолжает фрагментарно проявляться и в произведениях советской живописи, посвященной деревне. Вторая группа примеров — работы советского времени, посвященные освобождению Тихвина в декабре 1941 г. от немецких войск. Здесь изображение боя становится символом победы, одержанной с божьей помощью. Таким образом приоритетным становится мотив явления чуда у почитаемого места, которое привело к победе над врагом, что свидетельствует о «работе» текста святыни на уровне «программы» художественного произведения.

В *пятом разделе* подводится итог главы. В нем ставится проблема «фольклорного мышления» в искусстве. Текст святыни может функционировать в двух планах. Первый — в «программе» произведения под воздействием мировоззрения художника. Второй — в зрительской интерпретации произведения. Для той и другой ситуации остаются важными те самые ключевые понятия (объекты, предметы и действия), которые, соединяясь, порождают *текст* — вербальный или изобразительный. В триаде «творец — произведение — зритель» могут по-разному и в разных узлах этой системы возникать прямые или скрытые аллюзии фольклорных образов или проследиваться взаимосвязи, характерные для архетипического мышления.

В «программу» произведения как ее составная часть входит и фольклорное знание. Это заставляет по-иному рассматривать проблему соотношения искусства и фольклора. Такой ракурс исследования подразумевает сопоставление отдельных элементов в произведении искусства и фольклорный/этнографический факт. Более тонкий анализ (выявление элементов традиционного мышления) позволит обнаружить «общий фонд» повседневного знания человека. При этом мы должны учитывать и встречный процесс, когда определенные формы, созданные искусством, пополняют собой массовое искусство и разнообразные формы вторичного фольклорного творчества.

В **Заключении** предлагаются общие выводы работы и намечаются перспективы дальнейшего исследования в предложенном направлении. В народном религиозном нарративе существует устойчивая описательная структура, состоящая из ключевых слов и обозначений действий. В центре повествований о святых местах находится концепт чуда. Все это воздействует на художественное творчество и его интерпретацию (прежде всего на подсознательном уровне). Взаимовлияние текста и изображения вызывают эффект проникновения топосов словесного описания в контекст произведений изобразительного искусства. Представления о святых как месте контакта с божественной силой приобретает признаки художественной формы.

Полученные результаты могут быть использованы, во-первых, в исследовании системы почитаемых мест других регионов России. Во-вторых, предложенный анализ может быть применен к другим авторским произведениям (фотография, кино, литература и пр.).

В **Приложении** к диссертации помещены иллюстрации и 247 текстов повествований о почитаемых местах, записанных автором в 1994–2004 гг. в Ленинградской и Новгородской областях.

ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

В изданиях, рекомендованных ВАК:

1. Представления о камнях-валунах в традиционной культуре русских // Этнографическое обозрение. 2006. № 6. С. 125–143 [1 п. л.]. В соавторстве с Д. В. Громовым
2. Почитание источников в Псковской области: колодец в болоте // Традиционная культура. 2006. № 4. С. 33–40 [0,5 п. л.].

3. Повествования о почитаемых местах на Русском Севере: к вопросу о механизмах сакрализации пространства // Проблемы истории, филологии, культуры. 2008. № 22. С. 543–554. [0,75 п. л.].

В других изданиях:

1. Крестьянское сознание и ландшафтные формы его проявления (на примере двух деревень бывшего Тихвинского уезда) // Этнографическое изучение Северо-Запада (итоги полевых исследований 1996 и 1997 гг. в Ленинградской, Псковской и Новгородской областях): Краткое содержание докладов. [Вып. I–II.] СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998. С. 15–16 [0,1 п. л.].

2. Рассказы о разорении святынь. XX век. (По материалам Северо-Запада России) // Сакральные тексты в истории культуры: Материалы VII Санкт-Петербургских религиозно-этнографических чтений. Октябрь 1999. СПб., 1999. С. 32–33 [0,1 п. л.].

3. Монастырь и округа (на примере Рёконской Троицкой пустыни) // Прошлое Новгорода и Новгородской земли: Материалы научной конференции 11–13 ноября. Ч. 1. Новгород, 1999. С. 119–123 [0,3 п. л.].

4. Святые места: инерция почитания // Этнографическое изучение Северо-Запада (итоги полевых исследований 2000 г. в Ленинградской, Псковской и Новгородской областях): Краткое содержание докладов. [Вып. V.] СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. С. 50–52 [0,1 п. л.]. В соавторстве с Е. В. Платоновым.

5. Народные тексты о почитаемых местах // Христианский мир: религия, культура, этнос: Материалы научной конференции. Декабрь 2000 года. СПб., 2000. С. 328–333 [0,3 п. л.].

6. Деревня Никулино: история округа // Прошлое Новгорода и Новгородской земли: Материалы научной конференции 13–15 ноября. Ч. 2. Новгород, 2000. С. 112–118 [0,3 п. л.].

7. Материальное пространство почитаемого места // Вера и ритуал. Материалы VIII Санкт-Петербургских религиозно-этнографических чтений. Декабрь 2001 г. СПб., 2001. С. 60–62 [0,1 п. л.].

8. Судьба «малых» обителей и почитаемые места Северо-Запада России // Святыни и святые северорусских земель Каргополь, 2002. С. 147–153 [0,5 п. л.].

9. Почитаемые места: конец XX века // Христианство в регионах мира. СПб.: МАЭ РАН, 2002. С. 230–240 [1 п. л.].

10. Русская народная религиозная проза (к постановке вопроса) // Музей. Общество. Религия: аспекты взаимодействия.

К 70-летию Государственного музея религии. Материалы IX Санкт-Петербургских религиоведческих чтений. Ноябрь 2002 г. СПб., 2002. С. 111–113 [0,1 п. л.].

11. Информационный ареал почитаемого места // Этническое единство и специфика культур: Материалы Первых Санкт-Петербургских этнографических чтений / Российский этнографический музей. СПб., 2002. С. 70–72 [0,1 п. л.].

12. Почитаемые места северо-востока Новгородской земли // Новгородский архивный вестник. № 3. Великий Новгород, 2002. С. 95–112 [1 п. л.]

13. «...святая вода была в этом копытце» // Теория и методология архаики: I. Стратиграфия культуры; II. Что такое архаика? Материалы теоретического семинара. Вып. 3. СПб.: МАЭ РАН, 2003. 137–142 [0,3 п. л.].

14. Почитаемое место у деревни Колмыково // Живая старина, 2003, № 3. С. 28–30 [0,5 п. л.].

15. Почитаемое место // Мифология и религия в системе культуры этноса: Материалы Вторых Санкт-Петербургских этнографических чтений / Российский этнографический музей. СПб., 2003. С. 61–63 [0,1 п. л.].

16. Тексты о почитаемых местах (источниковедческий план) // Этнографический источник: Материалы Третьих Санкт-Петербургских этнографических чтений / Российский этнографический музей. СПб., 2004. С. 304–309 [0,3 п. л.].

17. Механизмы трансляции сакральной информации (на примере почитаемых мест Северо-Запада России) // Механизмы передачи фольклорной традиции / РИИИ. СПб., 2004. С. 232–248 [0,5 п. л.].

18. И очень красивое место, очень...» Заметки о материальном пространстве почитаемого места // Софійські читання. Вип. 2. Сакральні споруди у житті суспільства: історія і сьогодні. Матеріали Другої міжнародної науково-практичної конференції «Софійські читання». Київ, 27–28 листопада 2003 р. Київ: Фенікс, 2004. С. 53–57 [0,3 п. л.].

19. Русская народная религиозная проза (проблема жанра и классификация) // VI Конгресс этнографов и антропологов России. Санкт-Петербург, 28 июня – 2 июля: Тезисы докладов. СПб., 2005. С. 260 [0,1 п. л.].

20. Мужчина и материальный мир почитаемого места // VI Конгресс этнографов и антропологов России. Санкт-

Петербург, 28 июня – 2 июля: Тезисы докладов. СПб., 2005. С. 295–296 [0,1 п. л.].

21. Почитаемые места в Северо-Западной России (заметки собирателя) // Мировоззрение и культура северно-русского населения. М.: ИЭА РАН. 2006. С. 196–214 [1 п. л.].

22. Почитаемые места Северо-Запада России: проблемы изучения // VII Конгресс этнографов и антропологов России: Доклады и выступления. Саранск, 2007. С. 330 [0,1 п. л.].

23. Центр и периферия в функционировании повествований о почитаемых местах // Рябининские чтения-2007: Материалы V научной конференции по изучению народной культуры Русского Севера. Петрозаводск, 2007. С. 283–285 [0,3 п. л.].

24. Почитаемые места Северо-Востока Новгородской земли (краткая характеристика) // Христианство в регионах мира. Вып. 2. СПб.: МАЭ РАН, 2008. С. 281–298 [1 п. л.].

25. К изучению истории почитаемых мест: от родовых к территориальным святыням // Этнография Алтая и сопредельных территорий: Материалы междунаро. науч. конф. Вып. 7 / Под. ред. Т. К. Щегловой. И. В. Октябрьской. – Барнаул: БГПУ, 2008. С. 453–458 [0,3 п. л.].

26. История почитаемого места: Между историей и мифом // VIII Конгресс этнографов и антропологов России: тезисы докладов. Оренбург, 1–5 июля 2009 г. Оренбург, 2009. С. 398 [0,1 п. л.].

27. Система почитаемых мест и исследователь: Опыт полевых наблюдений // Фольклор и мы: Традиционная культура в зеркале ее восприятий. Сборник научных статей, посвященный 70-летию И. И. Земцовского. Часть I. СПб., 2010. С. 179–187 [0,5 п. л.].

28. Народный религиозный нарратив: взгляд из 2000-х в 1990-е гг. // Славянская традиционная культура и современный мир. Вып. 14. Комплексные исследования традиционной культуры в постсоветский период: Сборник научных статей. М., 2011. С. 261–270 [0,5 п. л.].

Подписано в печать 28.12.2011 Формат 60x90 1/16
Бумага SvetoCopy. Усл. печ. л. 1,62 Тираж 100 экз.

Редакционно-издательский комплекс
Российский институт истории искусств
190000, Санкт-Петербург, Исаакиевская пл., 5
т. 314-21-83